

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.015

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И НАРОДАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СЕРЕДИНЕ XV – СЕРЕДИНЕ XIX В. (КРАТКИЙ ОЧЕРК)

Г.В. Чочиев

Исторические связи народов Северного Кавказа с османским государством остаются, несмотря на наличие ряда публикаций по данной и смежной тематике, недостаточно изученной областью востоковедных и кавказоведных знаний, прежде всего в силу ограниченной доступности для исследователей некоторых важных архивных материалов, что делает весьма актуальной задачей выявление и ввод в научный оборот новых данных по означенной проблематике. В предлагаемой заметке, отнюдь не претендующей на всестороннее и глубокое раскрытие темы, представлен лишь обобщенный взгляд на основные вехи, интенсивность, характер и содержание взаимоотношений между Османской империей и горскими, в основном западнокавказскими, политиями и обществами на протяжении четырехсотлетнего легитимного и/или фактического турецкого присутствия в регионе. Конкретной целью работы является оценка на основе анализа главным образом современной турецкой, но также отечественной и западной историографии и отдельных документальных и нарративных источников потенциального влияния указанного опыта и в целом северокавказской политики Порты на запуск процесса массового переселения горцев в султанские владения (т.н. мухаджирства) после окончания Кавказской войны и полного утверждения российского суверенитета в крае на рубеже 1850-х – 1860-х гг. Делается вывод о неспособности объективной природы турецко-горских контактов привести к формированию среди какой-либо части коренного населения Северного Кавказа османской государственной и культурно-религиозной идентичности, достаточной для стимулирования групповых миграций в находящиеся под юрисдикцией Стамбула пределы без одновременного воздействия значимых принудительных факторов «выталкивания» с Кавказа.

Ключевые слова: Османская империя, Северный Кавказ, Черкесия, суверенитет, вассалитет, идентичность, массовая миграция

Для цитирования: Чочиев Г.В. Взаимоотношения между Османской империей и народами Северного Кавказа в середине XV – середине XIX в. (краткий очерк) // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 49 (88). С. 5-19. DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.015

Целью написания настоящей заметки, представляющей собой вводный фрагмент более общего исследования о кавказском мухаджирстве, является оценка степени значимости исторически сложившихся взаимоотношений османского государства с традиционными обществами и политиями Север-

ного (прежде всего Северо-Западного) Кавказа в инициировании массового переселенческого движения горцев в султанские владения на заключительной стадии Кавказской войны. В частности, прояснению подлежит вопрос о том, могли ли османо-северокавказские политические, торгово-экономические и религиозные контакты предшествовавшей мухаджирству эпохи, – эти, по определению Г.А. Дзидзари, «историческ[ие] нит[и], котор[ые] “связывал[и]” кавказское мусульманское население вообще с Османской империей» [1, 11], – способствовать кристаллизации у какой-то части жителей региона османской государственной и/или культурно-конфессиональной идентичности, предрасполагающей в тех или иных обстоятельствах к сравнительно легкому принятию групповых решений о миграции на находящуюся под юрисдикцией Стамбула территорию. Ниже мы попытаемся, основываясь на существующей историографии и некоторых источниках, проследить под данным углом зрения общий контур эволюции интенсивности, характера и содержания связей между османским имперским миром и горскими народами от их возникновения до российско-го покорения Северного Кавказа.

Практический интерес османцев к Кавказу впервые обозначился вскоре после взятия ими Константинополя в 1453 г. и был продиктован потребностью в прочном утверждении во всем Причерноморье для обеспечения военной и экономической безопасности новой столицы. Уже в следующем году османский флот захватил Сухум (генуэзскую торговую колонию Себастиополис), принудив абхазский и мегрель-

ский владетельные дома к признанию себя вассалами султана. Тем не менее, в силу отсутствия в этой части региона ценного с точки зрения Порты ресурсного (помимо невольников) и стратегического потенциала в последующие столетия почти не отмечалось попыток расширения зоны реального имперского присутствия в Абхазии, равно как и вмешательства во внутреннюю жизнь местного социума [2, 31–36; 3, 2–9, 382].

Во многом схожий подход продемонстрировали османцы и в вопросе контроля над северо-восточным сегментом черноморского бассейна. После установления ими в 1474 г. протектората над Крымским ханством рассматривавшиеся последним как собственные вассальные владения северокавказские территории¹ автоматически подпали под верховный сюзеренитет Порты, который на протяжении следующих трех веков не оспаривался всерьез никем из международных акторов. На деле, однако, власть в крае как Гиреев, так и Османов ограничивалась в основном районом Таманского полуострова, организованным в полноценную административную единицу – *казу* – в составе прямо подчиненного Стамбулу Кафинского² *санджака* (в 1568 г. преобразованного в *эялет* или, по некоторым источникам, *вилайет*)³. Притязания же турок и крымцев на лежавшие к востоку и югу от этого условного и, очевидно, подвижного фронта области носили скорее номинальный характер. Данные земли, хоть и обозначались порой в официальных документах нечетким термином «Черкесский вилайет»⁴, вполне определенно квалифицировались в них же в русле исламского права как *дар уль-харб* («пространство войны»),

то есть чуждая, враждебная страна, населенная *кяфирами* («неверными») [4, 8–10, 14; 5, 153–157]⁵. Аналогичный статус в глазах османских правителей предположительно имели и жители Абхазии и Мегрелии, нередко противопоставлявшиеся «христианскому, но покорному» населению соседних грузинских областей [3, 11–12].

Поскольку реальное завоевание северокавказского хинтерланда было сопряжено для османской стороны с немалыми трудностями и даже в случае успеха такого предприятия не сулило сколько-нибудь ощутимых политических и экономических выгод, Порта фактически делегировала полномочия на ведение северокавказских дел (включая сбор дани и иные формы контроля над горскими политиями) Бахчисараю [6, 93–94]⁶, заботясь преимущественно о стабильности поставок в Стамбул с Кавказа элитных рабов и рабынь [4, 2, 8,] и пресечении вылазок мегрельских, абхазских и черкесских пиратов на берега северо-восточной Анатолии [3, 11–16, 382–383; 8, 274]⁷.

Первая значимая попытка радикального передвижения указанного фронта в восточном направлении имела место в ходе закавказского (ширванского) похода турок против Сефевидов 1578 г., поддержанного с севера конными отрядами не только татарских и ногайских, но и черкесских «вассалов» [3, 283, 383]. Несмотря, однако, на то, что османцы добились изъявления покорности от большинства адыгских и дагестанских владетелей и даже попытались создать в Абхазии «Сухумский эялет», а на Северо-Восточном Кавказе – вассальное образование под управлением шамхала Тарковского, их присутствие в регионе

в конечном счете не вышло за рамки эпизода: уже к 1590 г. существовавший здесь ранее политико-территориальный режим был восстановлен [3, 19–21, 311–315; 4, 13–14].

Поверхностность османского контроля над регионом в сочетании с неразвитостью экономической кооперации с ним, сводившейся в основном к работорговле, исключала сколько-нибудь значимую интеграцию местного населения в общеимперский социум. Неудивительно, что позднейший османский государственный деятель и официальный историограф Ахмед Джевдет-паша, характеризуя взаимоотношения жителей Северо-Западного Кавказа и их формальной «метрополии» до начала последней четверти XVIII в., констатировал: «Черкесия хоть и находилась в течение двух-трех столетий в руках Высокого Государства, однако, ввиду того, что она считалась препорученной Крыму, ни Высокое Государство не ведало положения черкесов, ни они прямо не были с ним знакомы... Беи [черкесских] племен... водились и общались лишь с татарами... и, поскольку со стороны Высокого Государства над ними не назначались управляющие и наместники, не имели представления о [мусульманской] религии и [османском] государстве» [9, 161]. Заметим, что содержащаяся в данном пассаже ссылка на «нерелигиозность» жителей края отнюдь не случайна и отражает факт распространения ислама в указанную эпоху главным образом в прилегающем к Тамани ареале Черкесии⁸, в то время как на большей ее части мусульманское учение было воспринято, порой декларативно, в основном социальными верхами⁹, в массовом же сознании преоб-

ладали языческие верования в сочетании с остаточным христианством¹⁰.

По существу, целенаправленные усилия по утверждению на Северном Кавказе начали предприниматься Портой только после прекращения ее сюзеренитета над Крымским ханством по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Сознавая настоятельную необходимость формирования эффективного заслона на пути дальнейшей российской экспансии в направлении своих азиатских владений, османское руководство в 1781 г. отправило на черкесское побережье крупный контингент военных и гражданских служащих во главе с опытным администратором Ферахом Али-пашой¹¹, который в ранге коменданта сначала Суджукской¹², а затем отстроенной им Анапской крепости развернул энергичную работу по вовлечению местных племен в орбиту имперского влияния¹³. Отметим, что эти действия были безупречны с международно-правовой точки зрения, поскольку земли между Черным морем и р. Кубань, являвшиеся объектом взаимонакладывающихся притязаний Гиреев и Османов, после упразднения в 1783 г. государственности Крыма были формально признаны Россией, в отличие от отошедшей к ней Кабарды, частью владений султана¹⁴.

Благодаря деятельности Фераха Али и – с большим или меньшим успехом – его преемников на этом посту к началу XIX в. был достигнут существенный прогресс в исламизации причерноморских и прикубанских адыгов, равно как и абазин, убыхов и абхазов¹⁵, и активизации их военных, культурных и личностных (в том числе специально поощряемых брачно-родственных)

контактов с османскими подданными, прибывшими сюда из «материковой» части государства (чиновниками, военными, торговцами, священнослужителями и т.д.)¹⁶. Несколько увеличился и объем торговли, главным образом меновой, за счет экспорта из региона, помимо невольников, также аграрной, промысловой и ремесленной продукции и импорта оружия и боеприпасов, металлических изделий, предметов роскоши и т.д. [21, 12; 2, 407–413; 20, 244–245] Несомненно, эти сдвиги стимулировали и политическую ориентацию северокавказцев на Стамбул, чему, впрочем, в неменьшей мере способствовала критическая заинтересованность обеспокоенных растущим российским давлением туземных элит в получении от Порты помощи, в первую очередь вооруженной.

В то же время очевидно, что процесс проникновения отдельных османско-мусульманских религиозных, социальных, правовых и культурных институтов во внутренние районы Черкесии, особенно в горную зону, растянулся на многие десятилетия и не был вполне завершен даже к середине XIX в. [22, 49–52] Кроме того, стремление вовлеченных в военную конфронтацию с русскими силами горцев к установлению тесных союзнических отношений со Стамбулом отнюдь не означало признания ими над собой верховного сюзеренитета султана, как это обычно были склонны трактовать османские власти. В действительности глава дома Османов пользовался авторитетом среди более или менее исламизированных кавказских обществ в качестве не светского, но прежде всего духовного лидера – халифа всех мусульман. Как

сформулировал это обстоятельство Ахмед Джевдет-паша в составленной им для участников Парижского мирного конгресса 1856 г. справке о положении дел на Северном Кавказе, «...жители Кавказских гор, будучи в своем большинстве мусульманами-суннитами, признавали и почитали принадлежащий османским султанам пост халифата, однако, не приемля чьего бы то ни было реального правления, всегда оставались независимыми и свободными» [23, 95–96]¹⁷. Подчеркнем, что данная характеристика в полной мере может быть отнесена к населению не только Западного и Центрального Кавказа, но и прочно усвоивших мусульманство суннитского толка еще в средневековую эпоху дагестанских ханств, лояльность которых османскому государству также имела преимущественно морально-религиозную, неполитическую основу [19, 26, 29, 93; 25, 31].

С конца XVIII в., тем не менее, интенсивность военно-политического взаимодействия между османцами и горским движением сопротивления заметно возросла, хотя это сотрудничество и отличалось изначальной диспропорциональностью задач и устремлений сторон. Так, если кавказцы рассчитывали на достаточно регулярную поддержку их действий против «общего врага» посредством материальной подпитки их боевого потенциала из Анатолии и с османских баз на восточноречноморском побережье и оказания дипломатического покровительства, то для Стамбула во главе угла находилось использование антиколониальной освободительной активности горцев как всего лишь дополнительного козыря в геостратегическом соперничестве с Петербургом.

В соответствии с этим подходом Порты в период всех русско-турецких войн, имевших место с 1787 по 1829 г., ожидала (и в значительной степени добивалась) от черкесов и других северокавказцев неукоснительного выполнения их «вассальского» и «единоверческого» воинского долга перед ней в русском тылу, при этом стараясь не обременять себя сколько-нибудь серьезными и долгосрочными обязательствами перед своими младшими партнерами и с легкостью принося в жертву их интересы при вынужденных «замирениях» с Россией. Собственно, кульминацией такой политики стал переход «прав» на северо-западные кавказские территории от султанской империи к царской по Адрианопольскому миру 1829 г., не признанный горскими обществами. С другой стороны, явно расходились и конечные цели османцев и противостоявших русским кавказских политий: в то время как первые стремились к укреплению своего контроля над регионом вплоть до его полного политического подчинения, усилия вторых, как правило, были направлены на отстаивание своего де-факто и де-юре независимого статуса [26, 61–74; 27, 59–62, 67–69, 76–77, 80–82].

Несмотря на то, что и после утраты правовых оснований для вмешательства в региональные дела османские власти продолжали демонстрировать безусловно сочувственное отношение к борьбе горцев и по мере возможности поощряли их к непримиримому противодействию «неверным москвитам», готовность Порты к предоставлению практической помощи ориентировавшимся на нее кавказцам сильно ограничивалась ее опасениями спровоциро-

вать очередной конфликт со своим северным соседом¹⁸. Это обстоятельство постепенно, но с неизбежностью вело к разрушению иллюзий горцев относительно могущества, а отчасти и искренности намерений державы султана-халифа, во многом подтолкнув уже в 1830-х гг. руководителей западнокавказского сопротивления к поиску новых покровителей за пределами исламского мира в лице в первую очередь основного противника России в евразийской «большой игре» – Англии¹⁹. Не менее важным проявлением разочарования в политике Порты как черкесских лидеров, так и имама Шамиля следует признать их осторожную позицию в годы Крымской войны, выразившуюся в уклонении от активизации боевых действий против русских, во всяком случае в той мере, в какой на это рассчитывали турки и их европейские союзники [26, 111–116]²⁰.

С другой стороны, тот факт, что в ходе Парижского конгресса 1856 г. османская делегация по существу отклонила предложение британских представителей о совместном отстаивании идеи государственной независимости Черкесии [31, 334, 341; 23, 90, 101], весьма красноречиво свидетельствовал об угасании к данному моменту геополитических амбиций самого Стамбула на Северном Кавказе²¹, хотя попытки турецких, английских и французских агентов вдохновить горцев на продолжение вооруженного сопротивления обещаниями скорого вмешательства держав отмечались вплоть до начала массового черкесского исхода [33, 89–91; 26, 140–145].

С окончанием же Кавказской войны и утверждением суверенитета России во всем регионе в середине 1860-х гг.

собственно кавказская политика в османской государственной повестке закономерно уступила место на несколько следующих десятилетий представляющей важность главным образом (но не исключительно) для внутренней жизни империи политике в отношении северокавказской иммиграции и северокавказских переселенцев и беженцев²², рассмотрение которой выходит за рамки данной работы.

Завершая краткий обзор опыта и особенностей османо-северокавказских взаимоотношений середины XV – середины XIX в., необходимо прежде всего указать на их географически и хронологически неравномерную, в целом нефундаментальную для всех вовлеченных сторон и в известной степени ситуативную природу, в силу чего их значимость как некоего провоцирующего или стимулирующего мухаджирство фактора видится нам минимальной. Несомненно, что к рубежу 1850-х – 1860-х гг. основная масса отвергавших покорение русской власти либо оппозиционно к ней настроенных северокавказцев-мусульман, по-прежнему воспринимая Османскую империю как наиболее дружественную и достаточно влиятельную политическую силу и в известном смысле свою духовную метрополию, тем не менее была крайне далека от того, чтобы считать себя связанной с Портой узами вассалитета или подданства, а не знакомые абсолютному большинству горцев анатолийские, балканские и арабские земли рассматривать как «свою страну», некую «альтернативную родину», куда априори было бы допустимо масштабное (общинное) переселение/отступление при неблагоприятном развитии событий на Кавка-

зе. Вместе с тем подобный характер связей региона с османским государством едва ли мог не делать последнее наиболее предпочтительным и, в сущности, единственным возможным убежищем в глазах горцев в случае возникновения экзистенциальных (или оцениваемых как таковые) угроз для них и их привычного уклада жизни на Кавказе – военного разгрома, подрыва систем жизнеобеспечения,

невозможности проживания на исконных территориях и т.п. Иными словами, султанские владения могли приобрести притягательность для значительных групп кавказцев в качестве вектора, направления миграции главным образом, а, возможно, и исключительно в ситуации предрешенности исхода с родины под воздействием непреодолимых внешних обстоятельств.

Примечания:

1. Претензии Гиреев на сюзеренитет над Северным Кавказом основывались на их династических «правах» на наследие Золотой Орды. Судя по титулатуре ханов, нашедшей отражение в издававшихся ими *ярлыгах* (грамотах), территориально эти претензии простирались от Тамани до Кабарды, а в отдельных случаях и до дагестанских (*тав*) земель [3, 60–61, 63].

2. Кафа (Кефе) – современный город Феодосия.

3. Эялеты, позднее вилайеты – административно-территориальные единицы первого уровня (провинции). Делились на санджаки (округа), а последние – на казы (уезды).

4. Под «вилайетом» в данном случае подразумевалась не административно-территориальная единица, а географическая «область, страна».

5. Включение вслед за покорением Крыма в титулатуру османских султанов упоминания об их верховной власти над «черкесами и кабардинцами» [5, 147] носило сугубо символический характер. Безосновательным или, по меньшей мере, сильно преувеличенным является и содержащееся в направленном в 1570 г. Селимом II Ивану Грозному письме утверждение о том, что «...со времени покорения Кафинского вилайета ханы Крыма и владетели (“*баны*”) черкесских земель подчинены и выражают преданность нашему вседержавному престолу» [3, 63, 315; 2, 37], имевшее своей настоящей целью предостеречь русских от попыток проникновения в Кабарду.

6. Как отмечает Ю. Озтюрк, Порта стремилась не столько к распространению своей административно-правовой системы на «Черкесский вилайет», сколько к установлению над ним «дистанционного управления». Для его осуществления использовались два подхода: во-первых, привлечение «на сторону Государства» князей крупных черкесских племен (например, жанеевцев) с признанием за ними автономии при условии защиты ими османских и крымских владений от набегов «кочевников» (то есть неподконтрольных черкесов, ногайцев, казаков и др.), что фактически означало вассалитет; во-вторых – в случае неспособности или нежелания князей соблюдать указанные договоренности – организация в их земли карательных-грабительских экспедиций совместными силами Бахчисарая и Кафы при поддержке в случае необходимости из Стамбула [5, 113–114]. М. Яшар

называет такую модель политикой «кнута и пряника», где «кнут» воплощало в себе в основном ханство, а «пряник» – санджак/эялет и в целом империя [7, 107]. С. Хотко подчеркивает роль османского правительства как «верховного арбитра в крымско-черкесских отношениях» [8, 277].

7. Целью этих корсаров становился главным образом Лазистанский санджак, в особенности его центр Гонио/Кониэ (ныне Батуми).

8. Согласно реестру податного населения Кафинского санджака 1529 г., даже в административном центре Таманской казы – поселке Тамань проживали черкесы-немусульмане. В частности, в его центральном квартале Касымпаша было зафиксировано в общей сложности 37 семей, из них 25 мусульманских различной этнической принадлежности (в том числе, несомненно, и черкесских), 9 немусульманских черкесских и 3 немусульманских нечеркесских (предположительно греческих), а в категории несемейных мужчин – 5 немусульман-черкесов и 3 мусульманина-нечеркеса. Любопытно, однако, что аналогичный реестр 1542 г. отразил проживание здесь только мусульманской общины численностью в 69 семей без указания их этнической принадлежности [5, 318–320; 3, 70].

9. Переход черкесской знати в ислам зачастую диктовался стремлением предотвратить татарские невольничьи рейды в свои земли, что, по-видимому, хорошо понимали и правители Крыма. Так, в 1708 г. хан Каплан-Гирей отказался отменить свой поход в Кабарду несмотря на заверения ее посланцев о начале строительства мечетей и медресе и отзыв султаном разрешения на этот набег [10, 374–375].

10. О синкретичности и флюидности религиозного мировоззрения большей части населения Северо-Западного и Центрального Кавказа недвусмысленно свидетельствуют сообщения различных наблюдателей, посещавших регион до конца XVIII в. и позже. См., например, отчеты Эвлии Челеби о его странствиях в черкесских и абхазских землях в середине XVII в. [11; 12], также трактат Шарля Пейсонеля середины XVIII в. [13, 21] и др.

11. Ферах Али-паша происходил из грузинских невольников. Известно также о его принадлежности к одному из суфийских *тарикатов* (орденов).

12. Суджук (правильнее Согуджак) – современный Новороссийск.

13. Оставленные личным секретарем Фераха Али – Хашимом Мехмед-эфенди записки о высадке на черкесский берег этой миссии и ее первых контактах с местным населением, как и отчет состоявшейся тремя годами раньше рекогносцировочной экспедиции в регион под руководством *капуданпаши* (командующего флотом) Джебзайирли Гази Хасан-паши и «сераскера (главнокомандующего) Крыма» Джаникли Али-паши, поражают восприятием этой ближайшей к Анатолии и к описываемому моменту уже более трех столетий состоящей в формальном подчинении Стамбула территории как своего рода «нового света» османцев [14, 13; 15, 14–16]. Отпечаток первооткрывательского экзотизма несут на себе и северокавказские заметки Эвлии Челеби (см.: [11; 12]).

14. Положение о прохождении кавказской границы между Российской и Османской империями по р. Кубань впервые появилось в подписанном 8 января 1784 г. (28 декабря 1783 г. ст. ст.) в Стамбуле акте о признании Портой присоедине-

ния Крыма к России и было подтверждено Яским трактатом 1792 г. [16, 206–207, 224–226].

15. В докладной записке казначея Анапской крепости Порте от 1242 / 1826-27 г. утверждается, что благодаря регулярно жалуемым османцами предводителям племен щедрым дарам все прибрежные черкесы, за исключением части шапсугов, а также половина «абаза» уже приняли ислам [17, НАТ 1103/44571]. В записке же, представленной в Стамбул в следующем году князем Сефер-беем Заном, занимавшим на тот момент должность помощника коменданта Анапы, сообщается об «обращении в мусульманство» натухаевцев полностью, а шапсугов – на три четверти [17, НАТ 1103/44583]. Впрочем, согласно свидетельствам очевидцев, домусульманские религиозные верования и обряды продолжали бытовать среди части черкесов вплоть до начала мухаджирства (см., напр.: [18, 80–89]).

16. Подробнее о деятельности османских военных и чиновников в Анапе в конце XVIII – начале XIX в. см.: [19; 20].

17. Схожим образом описал состояние осmano-черкесских отношений в период «до начала преобразования Турецкой империи Махмудом II» (то есть до 1830-х гг.) видный представитель интеллектуальной элиты Черкесии первой половины XIX в. Султан Хан-Гирей, отмечая, что «политическое влияние Турции... было ничтожно: одни духовные идеи были причиной того, что черкесы вообще, как единоверцы с турками, признавали главенство заместника Пророка; но это было только на словах, а на самом деле они не оказывали его власти ни малейшей покорности» [цит. по: 24, 183].

18. Стремление османского правительства не давать России поводов для недовольства проявилось, например, в таких его мерах, как удаление из Стамбула по требованию русского посла политического представителя Черкесии Сефер-бея Зана в 1836 г. [28, 88; 29, 31–32], пресечение по обращению русского консула в Трабзоне попыток «мюридов шейха Шамиля» вербовать в Анатолии бойцов для отправки на Кавказ в 1845 г. [17, İ.MMS 26/729, А.МКТ.МНМ 1/86, А.АМД 1/60], предостережение османским купцам о ненарушении установленных русскими правил морской торговли с черкесским побережьем [17, НР.МКТ 5/63, 16/69] и др. Впрочем, после осложнения осmano-российских отношений из-за конфликта вокруг судьбы укрывшихся в Турции венгерских и польских участников революций 1848–1849 гг. Порта стала все чаще потворствовать перемещениям между Анатолией и Кавказом представителей горского сопротивления и переправке в регион военных и технических специалистов, оружия, денег и т.п. [29, 48–49].

19. При этом следует, разумеется, иметь в виду, что заинтересованность в установлении контактов с черкесским сопротивлением демонстрировал и лондонский кабинет, после подписания Адрианопольского трактата увидевший в горах средство сдерживания российского «броска на юг», а взаимодействие черкесских представителей с британскими дипломатами и агентами в Стамбуле зачастую осуществлялось с ведома и при содействии османских чиновников [27, 87, 108–111, 124–128; 26, 74–76, 78–80].

20. Впрочем, ряд исследователей обращает внимание на то обстоятельство, что планы турок высадить на черкесском побережье крупный десант для побуждения горцев к присоединению к союзным силам были сорваны англо-французским командованием, для которого кавказский регион не являлся приоритетной целью в войне (см.: [30, 197–212; 29, 61–65]).

21. Данная трансформация, безусловно, не произошла одновременно и поддерживалась далеко не всеми представителями османского политического истеблишмента. Так, еще в марте 1855 г. в инструкции Порты ее делегату на Венской конференции послов указывалось на предпочтительность «с политической и человеческой точек зрения... освобождения Крыма, Черкесии и Дагестана из безжалостных лап России» [32, 344]. Ахмед Джевдет-паша также критически оценивал османскую позицию в Париже [23, 100–101].

22. Знаменательно, что в последующие кратковременные периоды реанимации османского военно-политического интереса к Северному Кавказу, в частности в ходе войн 1877–1878 и 1914–1918 гг., Порты неизменно делала особую ставку на своих подданных-кавказцев как инструмент достижения своих целей.

1. *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982. 530 с.

2. *Bilge S.M.* Osmanlı Çağında Kafkasya, 1454–1829 (Tarih, Toplum, Ekonomi). İstanbul: Kitabevi, 2012. 689 s.

3. *Kırzioğlu M.F.* Osmanlılar'ın Kafkas-elleri'ni Fethi, 1451–1590. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1998. 550 s.

4. *İnci A.* 16. Yüzyılda Osmanlı Devleti'nin Çerkesya İle İlişkileri ve Osmanlı-Çerkes Sınırı // Journal of Caucasian Studies. 2019. Vol. 5. № 9. Ss. 1–16.

5. *Öztürk Y.* Osmanlı Hâkimiyetinde Kefe, 1475–1600. İstanbul: Bilge, 2014. 549 s.

6. *Yaşar M., Oh C.J.* The Ottoman Empire and the Crimean Khanate in the North Caucasus: A Case Study of Ottoman-Crimean Relations in the Mid-Sixteenth Century // Turkish Historical Review. 2018. Vol. 9. № 1. Pp. 86–103.

7. *Yaşar M.* The North Caucasus between the Ottoman Empire and the Tsardom of Muscovy: The Beginnings, 1552–1570 // Iran and the Caucasus. 2016. Vol. 20. No. 1. Pp. 105–125.

8. *Хотко С.Х.* Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2017. 544 с.

9. *Ahmed Cevdet Paşa.* Tarih-i Cevdet. III. Dersaadet: Matbaa-i Osmaniye, 1309. 388 s.

10. *Królikowska-Jedlińska N.* Slaves of the Crimean Khan or Muslim Warriors? The Status of Circassians in the Early Modern Period // Slavery in the Black Sea Region, c. 900–1900: Forms of Unfreedom at the Intersection between Christianity and Islam. Ed. by F. Roşu. Leiden: Brill, 2022. Pp. 364–384.

11. *Evliyâ Çelebi b. Derviş Mehmed Zillî*. Evliyâ Çelebi Seyahatnâmesi. Haz.: R. Dankoff, S.A. Kahraman, Y. Dağlı. İstanbul: Yarı Kredi, 1998. II. 292 s., 2003. VII. 395 s.
12. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) / Сост., отв. ред. А.Д. Желтяков. М.: Наука, 1979. Т. II. 288 с.; 1983. Т. III. 376 с.
13. *Пейсонель [III]*. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг. Краснодар: Общество изучения Адыгейской АО, 1927. 35 с.
14. *Kesbî Haşim Mehmed Efendi*. Ahvâl-i Anapa ve Çerkes / Haz.: M. Özсарay. İstanbul: Kafkas Vakfı, 2012. 160 s.
15. *Yerasimos S.* Türklerin Kafkasları: Egzotizmle Jeopolitik Arasında – I // *Toplumsal Tarih*. 1996. No. 36. Ss. 14–20.
16. Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России / Ред. В.Г. Титов и др. Ижевск: Принт, 2018. 600 с.
17. Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi.
18. *Лапинский Т. (Тэффик-бей)*. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Эль-Фа, 1995. 464 с.
19. *Gökçe C.* Kafkasya ve Osmanlı İmparatorluğu'nun Kafkasya Siyaseti. İstanbul: Şamil Eğitim ve Kültür Vakfı, 1979. 253 s.
20. *Temizkan A.* Araftaki Kafkasya. İstanbul: İdeal, 2018. 559 s.
21. *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX в.: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп: Магарин О.Г., 2014. 388 с.
22. *Чеучева А.К.* Османская империя и Северо-Западный Кавказ в XVIII столетии // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. Сс. 39–53.
23. *Ahmed Cevdet Paşa*. Tezâkir / Yay.: C. Baysun. I. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1953. 178 s.
24. *Губжоков М.Н.* Черкесское восприятие Османской империи: «турецкие» сюжеты в трудах Султана Хан-Гирея // *Journal of Caucasian Studies*. 2016. Vol. 1. No. 2. Сс. 175–188.
25. *Абдулаева М.И.* Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII – XIX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. 180 с.
26. *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX в. Нальчик: Логос, 1992. 199 с.
27. *Панеш А.Д.* Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп: МГТУ, 2006. 250 с.
28. *Khoon Y.* “Prince of Circassia”: Sefer Bey Zanuko and the Circassian Struggle for Independence // *Journal of Caucasian Studies*. 2015. Vol. 1. № 1. Pp. 82–111.
29. *Köremezli İ.* The Place of the Ottoman Empire in the Russo-Circassian War, 1830–1864. MA Thesis. Ankara: Bilkent University, 2004. 112 p.

30. *Badem C.* The Ottoman Crimean War, 1853–1856. Leiden: Brill, 2010. 432 p.
31. *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Рубежи XXI, 2009. 560 с.
32. *Türkgeldi A.F.* Mesâil-i Mühimme-i Siyâsiyye / Haz.: B.S. Baykal. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1960. I. 489 s.
33. *Духовский С.* Даховский отряд на Южном склоне Кавказских гор в 1864 г. СПб.: Тип. департамента уделов, 1864. 133 с.

Chochiev, Georgy V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); georg-choch@yandex.ru

RELATIONS BETWEEN THE OTTOMAN EMPIRE AND THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS FROM THE MID-15TH TO THE MID-19TH C. (AN OUTLINE).

Keywords: *Ottoman Empire, North Caucasus, Circassia, sovereignty, vassalage, identity, mass migration.*

The historical ties between the peoples of the North Caucasus and the Ottoman state remain, despite the presence of a number of publications on this and related topics, an insufficiently studied field of Oriental and Caucasian knowledge, primarily due to the limited availability of some important archival materials for researchers, which makes it a rather urgent task to identify and introduce into scientific circulation new data on the issue. The proposed note, which by no means claims to be a comprehensive and in-depth coverage of the topic, presents only a general view of the main milestones, intensity, nature and content of the relationship between the Ottoman Empire and the Mountaineer, mainly West Caucasian, polities and communities throughout the four hundred years of legitimate and/or actual Turkish presence in the region. The specific purpose of the work is to evaluate, based on an analysis of mainly modern Turkish, but also domestic and Western historiography and individual documentary and narrative sources, the potential impact of this experience and the North Caucasian policy of the Porte in general on launching the process of mass migration of Mountaineers to the Sultan's domains (the so-called muhajirism) following the end of the Caucasian War and the complete assertion of Russian sovereignty in the area at the turn of the 1850s and 1860s. The conclusion is made about the inability of the objective nature of the Ottoman-Mountaineer contacts to lead to the formation of an Ottoman state and cultural-religious identity among any part of the indigenous population of the North Caucasus, sufficient to stimulate group migrations to the lands under the jurisdiction of Istanbul without the simultaneous impact of significant coercive "push" factors from the Caucasus.

For citation: *Chochiev, G.V. Relations between the Ottoman Empire and the peoples of the North Caucasus from the mid-15th to the mid-19th c. (an outline) // Izvestiya SOIGSI. 2023. Iss. 49 (88). Pp. 5-19. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.015*

References

1. Dzidzariya, G.A. *Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya* [Muhadjirism and Problems of the History of Abkhazia in the 20th Century]. Sukhumi, Alashara, 1982. 530 p.
2. Bilge, S.M. *Osmanlı Çağında Kafkasya, 1454–1829 (Tarih, Toplum, Ekonomi)*. Istanbul, Kitabevi, 2012. 689 s.
3. Kırzioğlu, M.F. *Osmanlılar'ın Kafkas-Elleri'ni Fethi, 1451–1590*. Ankara, Turkish Historical Society, 1998. 550 s.
4. İnci, A. 16. Yüzyılda Osmanlı Devleti'nin Çerkesya İle İlişkileri ve Osmanlı-Çerkes Sınırı. *Journal of Caucasian Studies*. 2019, vol. 5, iss. 9, pp. 1–16.
5. Öztürk, Y. *Osmanlı Hâkimiyetinde Kefe, 1475–1600*. Istanbul, Bilge, 2014. 549 s.
6. Yaşar, M., Oh, C.J. The Ottoman Empire and the Crimean Khanate in the North Caucasus: A Case Study of Ottoman-Crimean Relations in the Mid-Sixteenth Century. *Turkish Historical Review*. 2018, vol. 9, iss. 1, pp. 86–103.
7. Yaşar, M. The North Caucasus between the Ottoman Empire and the Tsardom of Muscovy: The Beginnings, 1552–1570. *Iran and the Caucasus*. 2016, vol. 20, iss. 1, pp. 105–125.
8. Khotko, S.Kh. *Cherkesiya: genezis, etnopoliticheskie svyazi so stranami Vostochnoi Evropy i Blizhnego Vostoka (XIII–XVI vv.)* [Circassia: Genesis, Ethnopolitical Relations with the Countries of Eastern Europe and the Middle East (XIII–XVI Centuries)]. Maykop, Adyg. resp. kn. izd-vo, 2017. 544 p.
9. Ahmed Cevdet Paşa. *Tarih-i Cevdet*. III. Dersaadet, Matbaa-i Osmaniye, 1309. 388 s.
10. Królikowska-Jedlińska, N. Slaves of the Crimean Khan or Muslim Warriors? The Status of Circassians in the Early Modern Period. *Slavery in the Black Sea Region, c. 900–1900: Forms of Unfreedom at the Intersection between Christianity and Islam*. Ed. by F. Roşu. Leiden, Brill, 2022, pp. 364–384.
11. Evliyâ Çelebi b. Derviş Mehmed Zillî. *Evliyâ Çelebi Seyahatnâmesi*. Ed. by R. Dankoff, S.A. Kahraman, Y. Dağlı. Istanbul, Yapı Kredi, 1998, II. 292 s.; 2003, VII. 395 s.
12. Evliya Çelebi. *Kniga puteshestviya (izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v.)* [Travel Book (Excerpts from the Work of a 17th-Century Turkish Traveler)]. Ed. by A.D. Zheltyakov. Moscow, Nauka, 1979, vol. 2. 288 p.; 1983, vol. 3. 376 p.
13. Peysonel, Ch. *Issledovanie trgovli na cherkessko-abkhazskom beregu Chernogo morya v 1750–1762 gg.* [Study of Trade on the Circassian-Abkhazian Coast of the Black Sea in 1750–1762]. Krasnodar, Society for the Study of the Adyghe Autonomous Region, 1927. 35 p.
14. Kesbî Haşim Mehmed Efendi. *Ahvâl-i Anapa ve Çerkes*. Ed. by M. Özsaray. Istanbul, Kafkas Vakfı, 2012. 160 s.
15. Yerasimos, S. Türklerin Kafkasları: Egzotizmle Jeopolitik Arasında – I. *Toplumsal Tarih*. 1996, no. 36, ss. 14–20.

16. *Krym v razvitií Rossii: istoriya, politika, diplomatiya. Dokumenty Arkhivov MID Rossii* [Crimea in the Development of Russia: History, Politics, Diplomacy. Documents of the Archives of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. Ed. by V.G. Titov et al. Izhevsk, Print, 2018. 600 p.

17. Ottoman Archives of the Directorate of State Archives of the Presidency of the Republic of Turkey.

18. Lapinski, T. (Teffik-bei). *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh* [Mountaineers of the Caucasus and Their Liberation Struggle against Russians]. Nalchik, El'-Fa, 1995. 464 p.

19. Gökçe, C. *Kafkasya ve Osmanlı İmparatorluğu'nun Kafkasya Siyaseti*. Istanbul, Shamil Education and Culture Foundation, 1979. 253 s.

20. Temizkan, A. *Araftaki Kafkasya*. Istanbul, İdeal, 2018. 559 s.

21. Kudaeva, S.G. *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX v.: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva* [Adygs (Circassians) of the North-Western Caucasus in the 19th Century: Processes of Transformation and Differentiation of the Adyghe Society]. Maykop, Magarin O.G., 2014. 388 p.

22. Cheucheva, A.K. *Osmanskaya imperiya i Severo-Zapadnyi Kavkaz v XVIII stoletii* [The Ottoman Empire and the North-Western Caucasus in the 18th Century]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies]. 2007, no. 1, pp. 39–53.

23. Ahmed Cevdet Paşa. *Tezâkir*. Publ. by C. Baysun. Ankara, Turkish Historical Society, 1953. I. 178 s.

24. Gubzhokov, M.N. *Cherkesskoe vospriyatie Osmanskoi imperii: "turetskie" syuzhety v trudakh Sultana Khan-Gireya* [The Circassian Perception of the Ottoman Empire: "Turkish" Motifs in Sultan Khan-Girey's Writings]. *Journal of Caucasian Studies*. 2016, vol. 1, no. 2, pp. 175–188.

25. Abdulaeva, M.I. *Dagestan v politike Osmanskoi imperii vo vtoroi polovine XVIII – XIX v.* [Dagestan in the Policy of the Ottoman Empire in the Second Half of the 18th – 19th Centuries]. Makhachkala, IHAЕ DSC RAS, 2006. 180 p.

26. Kasumov, A.Kh., Kasumov, Kh.A. *Genotsid adygov. Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX v.* [Genocide of Adygs. From the History of the Struggle of the Adygs for Independence in the 19th Century]. Nalchik, Logos, 1992. 199 p.

27. Panesh, A.D. *Zapadnaya Cherkesiya v sisteme vzaimodeistviya Rossii s Turtsiei, Angliei i imatom Shamilya v XIX v. (do 1864 g.)* [Western Circassia in the System of Interaction of Russia with Turkey, England and Shamil's Imamate in the 19th Century (prior to 1864)]. Maykop, MSTU, 2006. 250 p.

28. Khoon, Y. "Prince of Circassia": Sefer Bey Zanuko and the Circassian Struggle for Independence. *Journal of Caucasian Studies*. 2015, vol. 1, no. 1, pp. 82–111.

29. Köremezli, İ. *The Place of the Ottoman Empire in the Russo-Circassian War, 1830–1864*. MA Thesis. Ankara, Bilkent University, 2004. 112 p.

30. Badem, C. *The Ottoman Crimean War, 1853–1856*. Leiden, Brill, 2010. 432 p.

31. Degoev, V.V. *Kavkaz i velikie derzhavy 1829–1864 gg. Politika, voina, diplomatiya* [The Caucasus and the Great Powers, 1829–1864. Politics, War, Diplomacy]. Moscow, Rubezhi XXI, 2009. 560 p.

32. Türkgeldi, A.F. *Mesâil-i Mühimme-i Siyâsiyye*. Ed. by B.S. Baykal. Ankara, Turkish Historical Society, 1960. I. 489 s.

33. Dukhovskiy, S. *Dakhovskii otryad na Yuzhnom sklone Kavkazskikh gor v 1864 g.* [Dakhov Detachment on the Southern Slope of the Caucasus Mountains in 1864]. St. Petersburg, Tip. departamenta udelov, 1864. 133 p.